

**Министерство образования и науки Украины
Севастопольский национальный технический университет**

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX – XX ВЕКОВ

**Методические указания для подготовки к экзамену
кандидатского минимума по дисциплине «Философия»
для аспирантов и соискателей**

**Севастополь
2005**

УДК 1. (09)

Методические указания для подготовки к экзамену кандидатского минимума по дисциплине «Философия» для аспирантов и соискателей / Сост. М.С. Колесов. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2005. - 36с.

Методические указания предназначены для аспирантов и соискателей при подготовке к экзамену по философии и соответствуют Программе кандидатского минимума.

Методические указания рассмотрены и утверждены на заседании кафедры философских и социальных наук (протокол № 1 от 2 сентября 2004 г.)

Допущено учебно-методическим центром СевНТУ в качестве методических указаний.

Рецензенты:

А. А. Чемшит – профессор, зав. кафедрой философских и социальных наук.

И. Ш. Шенгелая – кандидат философских наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Русская философия XIX – начала XX веков	
Русская социальная философия.....	4
Русская философия религии.....	14
2. Русская философия XX века	
Русская философия и революция.....	21
Русская философия в эмиграции	26
Заключение.....	33
Вопросы к семинарскому занятию.....	33
Библиографический список.....	34

ВВЕДЕНИЕ

Первые представления о началах философии стали формироваться в Киевской Руси после принятия христианства через переводы книг византийских авторов-богословов **Иоанна Дамаскина**, **Псевдо-Дионисия Ареопагита** и др. Первым русским «философом» можно считать киевского митрополита **Иллариона** (IX в.) – автора трактата «Слово о законе и благодати». В XII в. появился трактат «Поучение» **Владимира Мономаха** – компендиум этической «философии» (кодекс поведения).

В XIV в. при формировании культуры Московского государства большое влияние оказал византийский *исихазм* – учение о взаимодействии бога и мира через посредство безмолвной («умной») молитвы («энергии»).

В XVI в. в работах *нестяжателей* **Нила Сорского** и **Вассиана Патрикеева** формировалось «философское» представление о человеке как «образе» и «подобии» бога. **М. Грек**, **Ю. Крижанич**, **А. Курбский**, **И. Пересветов** развивали свои «философские» взгляды на государство и общество.

В XVII – XVIII вв. – преподаватели Киево-Могилянской Академии: **П. Могила**, **Г. Конисский**, **Ф. Прокопович**, **С. Яворский**, позже – **Г. Сковорода**, популяризировали античную и современную европейскую философию. Впоследствии преподаватели и выпускники Киево-Могилянской Академии стали приглашаться для преподавания философии в Славяно-греко-латинскую Академию, позже – в Московскую Духовную Академию.

Историк русской философии **Г.Г. Шпет** (1879-1937) писал, что это еще не была философия, а лишь *школьное хождение вокруг да около философии, интересное, конечно, для истории просвещения, но не для самой философии*.

Новая эпоха началась с приходом Петра Первого: интеллигенцией русскою с Петра становится правительство и остается в той роли больше ста лет. Россия вошла в европейскую семью, *«но вошла как сирота»*, т.к. начала с *«немецких переводов»*. Это вхождение протекало «в потемках» общественного философского сознания. До XVIII века общество не знало философии Западной Европы, которая как философия Просвещения стала проникать в Россию во второй половине XVIII в., прежде всего, через масонство: **Н. Новиков**, **А. Радищев**, (философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии»)

М. Сперанский. В Московском университете (1755 г.) философия как «чистое знание» («любомудрие») преподавалась немецкими преподавателями. **М.В. Ломоносов** изучал философию в Германии (в Марбургском университете) и был поклонником **Хр. Вольфа** (ученика **Лейбница**).

По мнению **Шпета**, философия еще не нашла для себя «даровитого представителя». Даже через сто лет после Петра история философии, философское сознание как общественное сознание, философская культура, «само чистая философия» как «чистое знание и свободное искусство» в России оставалось делом будущего.

Дело в том, что правительство, взявшее на себя роль просветителя, «забаррикадировало» себя от науки и философии. А «молодых людей», выезжающих за границу, предупреждали в специальной инструкции (1808 г.) об особой «зловредности» европейской философии. Поэтому, сделав свои первые шаги, философия в России впала в «состояние паралитическое».

Русские преподаватели философии появились в университетах в начале XIX в.: **И. Давыдов, А. Левицкий, М. Павлов** (Москва), **Д. Велланский, А. Галич, П. Лодий, Ф. Сидонский** (С.- Петербург), **И. Рижский** (Харьков), **О. Новицкий** (Киев). Но философия, по мнению **Шпета**, делала первые шаги «потихоньку», «вяло» и «лениво», «с полусонья».

1. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX – НАЧАЛА XX вв

Русская социальная философия

В 1828 г. министр образования адмирал **А.С. Шишков** заявил, что *науки, изошряющие ум, не составляют без веры и без нравственности благоденствия народного.*

По мнению **Шпета**, говорить о философском национальном сознании до 50-х годов XIX века не приходится.

Об этом писал профессор Петербургской Духовной академии **Ф.Ф. Сидонский**: *слабо изучение философии в нашем обществе; самостоятельных произведений по сей отрасли умственных изысканий почти и вовсе не видно.* То же писал профессор **В.Н Карпов**: *Россия по всем отраслям наук сделала уже значительные успехи, одной только философии нет или почти нет в России.*

Профессор Киевского университета **О.М. Новицкий** в то время утверждал, что, *так как философия есть самосознание народное, то в ней должен выражаться дух самого народа. Примерная религиозность, глубокая преданность Отечеству и царю – вот господствующие черты его [народного – М.К.] характера и духа! Этим то духом философия нашего Отечества должна быть вся проникнута и животворима, потому что только тогда она будет достойною великого народа русского, только тогда она будет философию национальною, произведением и достоянием нашим собственным, а не заимствованным.*

Еще более категорично выразил требование правительства в своей речи в Петербургском университете 20 сентября 1834 года **Ф. Фишер**: *основания, на которых должна преподаваться философия, суть: священное уважение к религии, непоколебимая верность монарху и безусловное повиновение существующим законам.*

В 40-е гг. преподавание философии было запрещено в университетах и гимназиях (министр образования **П. Ширинский-Шахматов** заявлял, что *польза философии не доказана, а вред от нее возможен*). «Устав Духовных Академий» гласил: Все, что не согласно с истинным разумом Св. Писания, есть сущая ложь и заблуждение и без всякой пощады должно быть отвергаемо.

Отмечая оживление философской мысли во второй четверти XIX века, **Г.Г. Шпет** обращает внимание на то, что это происходило вне сферы официального просвещения, прежде всего, в Духовных академиях. *Духовно-академический преподаватель или писатель был скептиком в философии по предписанию. Главная цель преподавания философии в духовных заведениях была в дознании слабости и бессилия человеческого разума.*

Таким образом, русская философия испытала на себе все превратности сложного пути развития русского общества и русской культуры.

Известный представитель русской философии в эмиграции **Н.О. Лосский** (1870-1965) в своей книге «История русской философии» отмечал, что в первой половине XIX века русская философия не могла свободно развиваться потому, что правительство считало философские идеи опасными и подвергало философов преследованию.

В 1860 г. – преподавание философии вновь было разрешено, но в основном преподавалась немецкая философия, и преподаватели приглашались, главным образом, из Духовных академий.

Между тем **К.Д. Кавелин** (1818-1885) утверждал, что *говорить серьезно о философии теперь почти также смешно, как носить напудренный парик*. Философия, завезенная к нам из Европы, по его мнению, никогда не была «предметом серьезного интереса», а стала «предметом праздного дилетантизма и быстро сменяющейся моды». ...*Мы, русские до сих пор не имели философии и очень мало о ней заботимся, хотя много о ней говорим, так как слово заступает у нас место мыслей и убеждений.*

В середине XIX в. русская философская мысль развивалась, главным образом, в публицистике и художественной литературе. Здесь, можно сказать, она начинается с полемики «славянофилов» и «западников». «Славянофилы» (**Киреевские, Хомяковы**) пытались опровергнуть «немецкий» тип философствования, популярный среди русской интеллигенции, на основе толкования русского христианства.

Алексей Степанович Хомяков (1804-1860): возрождение в России патриархальных форм жизни, основанных на православии. «Всемирное развитие истории требует от нашей святой Руси, чтобы она выразила те всесторонние начала, из которых она выросла». Достижение целостности человека и связанное с этим обновление общественной жизни усматривается в идее «общины», духовной основой которой является православная церковь.

Их последователи (**В.С. Соловьев** и др.) считали главной задачей русской философии развитие христианского мировоззрения. Учение об иерархической структуре души и ее «центральных силах» или о «внутреннем средоточии духа». Исторический прогресс человечества связан с отысканием «духовного смысла». Сущность мира, или «волящий разум», может быть познана лишь своеобразным синтезом всех духовных функций человека, исходным началом которых являются религия, «народная вера».

Направление «западников» объединяло русских мыслителей, которые были убеждены, что Россия должна учиться у Запада и пройти его путь развития.

Это направление берет свое начало с **Петра Яковлевича Чаадаева** (1794-1856), изложившего свои взгляды в «Философических письмах» и других статьях. Он обратил внимание на то, что «Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всех вопросов, возбуждающим споры в Европе... Если угодно, мы – публика, а там в Европе актеры, нам и надлежит право судить пьесу».

«Мы еще не внесли никакой лепты в общую сокровищницу народов», – считал он.

Он обратился к философии истории, рассматривая ее с точки зрения проблемы человека. Задача философии состоит в том, чтобы изучать человека как духовное существо. В философии истории он придерживался принципа «провиденциализма» («Божественное Провидение»). Историческую роль России он оценивает с тех позиций, что «исторический опыт для нас не существует». Мы живем только настоящим без прошлого и будущего. Мы не прошли с другими народами их истинный путь. Мы не принадлежим ни к Востоку, ни к Западу, так как не имеем традиций. Мы стоим вне Времени, вне Истории. Мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы идти с ними по одному пути. У нас нет «внутреннего развития», «естественного процесса», т.к. прежние идеи «выметаются» новыми, которые появляются у нас «откуда-то извне».

«Мы составляем пробел в порядке разумного существования». Мы составляем как бы «исключение» среди народов. Мы не входим составной частью в человечество, а существуем лишь для того, чтобы преподать «великий урок миру».

Он был убежден, что Россия обязана значительной частью своего могущества европейской цивилизации. «Россия, стоя лицом к лицу с громадной цивилизацией, не могла иметь другого дела, как стараться усвоить себе эту цивилизацию всеми возможными способами... Мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы с успехом подвигаться по одной с ним дороге».

Россия должна следовать за Европой (католицизмом), выполняя тем самым свою особую «вселенскую миссию» осуществления «интересов человечества». Придет время, когда мы оценим свое прошлое и извлечем из него «плодотворные выводы» для нашего будущего. Только тогда, когда мы поймем пройденный нами путь, мы действительно станем свободными и равноправными с другими народами.

В то же время он писал: «Я не могу любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в случае, если ясно видит ее: я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. ...Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лжи...»

«Западники» (**А.И. Герцен, К. Д. Кавелин** и др.), критически относившиеся к христианству и церкви и тяготевшие к материализму, заложили начало «политической философии» в России.

Г.Г. Шпет, по этому поводу, заметил: «Все то в науке и философии, что могло служить делу революции... было признано полезным, просветительным, заслуживающим поддержки. Все, не ведущее прямо к этой цели, не идущее против, было безразлично по своей ценности».

Александр Иванович Герцен (1812 –1870) занимался философскими вопросами естествознания («Письма об изучении природы») и критически относился к философии Гегеля. Природа есть единство многообразия. Законы мышления отражают законы бытия, диалектика составляет основной метод научного познания и мышления. Человек есть венец природы и вершина исторического прогресса. Ценность личности в разумном и нравственно-свободном деянии. Личность создается средой и ее событиями, но и последние несут на себе ее отпечаток. Большое значение «энергетического меньшинства» в пробуждении народного сознания.

Основатель теории «русского социализма»: борьба русского крестьянства неизбежно приведет страну к социализму, минуя капитализм, через крестьянскую общину.

Поддерживая **Чаадаева** в его тревоге за судьбу России («прошедшее России пусто, настоящее невыносимо, а будущего для нее вовсе нет»), он не согласился с ним в оценке Европы.

В своем дневнике «Былое и думы» он записал: «мы долго не понимали ни народа русского, ни его истории», так как славянофильские «иконописанные идеалы» и «дым ладана» мешали разглядеть жизнь народа. Нам доказывать свою «народность» смешно. «Славянизм», или «руссизм», родился еще в петровские времена как противодействие всему иностранному, и особенно получил свое развитие во время войны 1812 года. Вместе с тем: «...для того, чтобы любить русскую историю, патриоты переделывали ее на европейские нравы; они вообще переводили с французского на русский язык римско-греческий патриотизм».

По его мнению, ошибка «славян» заключалась в том, что, как им казалось, Россия имела когда-то «свойственное ей развитие», «затемненное» впоследствии, в том числе т.н. «петербургским (петровским) периодом». На самом деле Россия никогда не имела и не могла иметь этого развития. «...Нет народа, который глубже и полнее усваивал бы себе мысль других народов, оставаясь самим собой».

Герцен считал, что славяне все-таки принадлежат Европе; и этим они обязаны христианству и Петру I.

Но по мере того, как он узнавал Европу, его взгляды на нее менялись. В публикации «С того берега» он писал: «я вижу неминуемую гибель старой Европы...» Европа приближается к страшному катаклизму.

Одним из величайших человеческих принципов европейской жизни он считал уважение к личности. «У нас нет ничего подобного. У нас лицо всегда подавлено, поглощено, не стремилось даже выступить. Свободное слово у нас всегда считалось за дерзость, самобытность, - за крамолу, человек пропадал в государстве, распускался в общине». Поэтому в России нельзя жить человеку, «понимающему сколько-нибудь свое достоинство».

«Нам больно сознаться, что мы живем в мире, выжившем из ума, дряхлом, истощенном, у которого явным образом не достает силы и поведения, чтоб подняться на высоту собственной мысли. Нам жаль старый мир, мы к нему привыкли, как к родительском дому... Мы носим платья, шитые не по нашей мерке, а по мерке наших предков».

Но «наше классическое незнание западного человека наделает много бед». «Поживши год другой в Европе, мы с удивлением видим, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они гораздо ниже его». В Европе все переменялось под влиянием «мещанства», даже «политический вопрос». «Мещанство» – это «окончательная форма» западной цивилизации – проникло в Россию. В то же время он отмечал в отношении Европы к России определенную «ненависть» ко всему русскому.

В одном из своих писем он писал: «Мы в России страдаем только от нашей детской неразвитости и материальной нужды, но нам принадлежит будущее». Он был убежден, что Россия стоит на пороге революции.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) принадлежал к «западникам» и одно время был близок к «кружку» **Герцена**.

В работе «Взгляд на юридический быт древней России» он записал: «Удивительное дело! На одном материке, разделенные несколькими народами, Европа и Россия, прожили много веков, чуждаясь друг друга, как будто с умыслом избегая близкого соприкосновения».

Он считал, что славяне – «исконные жители» Европы, «народ европейский», способный к развитию. Но древняя русская история непохожа на историю других народов. «Ключ» к правильному взгляду на русскую историю – в нас самих, в нашем «внутреннем быте».

Только в XVIII веке мы начинали жить «умственно» и «нравственно». В это время «национальность» становится выражением особенностей нравственного существования народа. «Не Европа к нам пришла, а мы оевропеились, оставаясь русскими по-прежнему». История России не «безобразная груда бессмысленных, ничем не связанных фактов», а напротив, она – «стройное, органическое, разумное развитие нашей жизни, всегда единой, как всякая жизнь». Смысл нашей истории – в высвобождении личности и распадении патриархального строя. «Дальнейший ход нашей истории и внутреннего развития есть тайна для нас самих. Почва приготовлена. Что на ней вырастет, что она принесет в сокровищницу всемирной истории, – это покажет будущее».

В статье «Наш умственный строй» он записал: «Наш теперешний умственный строй, если в него хорошенько вдуматься, едва ли не беспримерное явление в истории; верно то, что ни одно из современных европейских обществ не представляет ничего подобного». Мы принимаем из Европы «готовые результаты» без критической проверки за всеобщую и объективную истину вместо того, что бы создавать у себя такое же отношение к самому знанию. «Мы тоже должны наконец так или иначе научиться самому тяжкому и мучительному делу из всех – серьезно и глубоко думать».

Материалистическая философия русских «революционеров-демократов».

Многие русские мыслители, будучи признанными авторитетами в революционном европейском движении, заложили фундамент национальной политической философии. Их предшественниками в России были **П.Я. Чаадаев, К. Д. Кавелин, А.И. Герцен** и др.

Михаил Александрович Бакунин (1814-1876) – мифологическая личность в революционном европейском движении. Основная его работа «Федерализм, социализм и антитеологизм»: «в политике не может быть честной и полезной практической деятельности без теории и ясно определенной цели».

Единство, к которому естественно стремится человечество, становится «фатальным», разрушая просвещение, достоинство личностей и народов когда оно образуется путем насилия или под воздействием какой-либо «теологической» или экономической идеи. Это – «плохой патриотизм».

Он определяет кратко «социализм» как «справедливость». Но он против «государственного социализма», так как социализм без свободы – это «животное состояние».

Общество – это «естественный способ существования совокупности людей», которое управляется правами и традициями. «Государство не является непосредственным созданием природы; оно не предшествует, как общество, пробуждению человеческой мысли».

«Добро есть нечто иное, как свобода».

«Государство по существу и по форме вместе с церковью принадлежит к гнуснейшим и вреднейшим порождениям исторического невежества и рабства». Всякая организованная власть, устанавливаемая с целью управлять народом, неизбежно исключает его свободу. «А природа человека, всякого человека, такая, что дайте ему власть над собою, он вас притеснит непременно, поставьте его в положение исключительное, вырвете его из равенства, он сделается негодяем».

Он предупреждал, что в обществе, где над народом господствует меньшинство, владеющее собственностью и капиталом, всеобщее избирательное право может привести только к «антидемократическим» выборам, совершенно не соответствующим действительной воле народа. Всякая организованная власть, установленная с целью управлять народом, неизбежно исключает его свободу.

«Друг русского народа», но «отнюдь не патриот государства», утверждал, что «только инстинкт свободы, ненависть к притеснителям и способность

восставать против всевозможной эксплуатации и деспотизма служит мерилom человеческого достоинства наций и народов».

Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889) был материалистом, утверждая, что природа существует до сознания и независимо от него. Рассматривал историю с точки зрения прогресса, не отрицая роли личностей в истории, связывал их деятельность с исторической необходимостью

«Антропологический принцип философии» (влияние Л. Фейербаха): человек есть природное существо, есть высшее проявление природы, лишенное «дуализма» души и тела, так как вся духовная деятельность человека есть проявление его материальной субстанции. Сознание человека связано с его биологической субстанцией.

Он различал «коммунизм» и «социализм» как категории политэкономии. «Социализм – кокетка, очень много заимствующая у лореток, но все-таки державшая себя прилично женщина порядочного круга». Он полагал, что должно пройти еще много времени, прежде чем социализм приобретет господство в экономической жизни, для этого необходимо «порядочное осуществление перемен».

Дмитрий Иванович Писарев (1840-1868) – «пролетариат умственного труда», глава русского «нигилизма». «...Мы уже видели, что жизнь наша устроена очень плохо, так плохо, что если бы нарочно выдумать, то нельзя было бы изобрести чего-нибудь более неудобного».

Оценивая роль личности в истории, он отмечал, что «крупная личность» вовсе не управляет ходом событий, так как она сама входит в процесс исторической жизни «как инструмент». Ее действия перерабатываются определенными условиями и обстоятельствами в разные «комбинации», которые не зависят от личной воли. Он был убежден в том, что «личная инициатива крупного исторического деятеля почти никогда не имеет решительного определяющего влияния на развитие исторических событий».

Он считал «самым драгоценным» состоянием человека его личную независимость, его свободу. Развитость нации он определял самостоятельностью личности.

Он был убежден в том, что двигателем истории является мысль («теоретическая власть»), носителем которой является «гений». Однако социализм представлялся им не столько как порождение гениального ума и волевого воплощения в жизнь, сколько как перспектива нравственного самоутверждения личности в достойном ее обществе. «Нет и не может быть на свете такого гения, который один, сам по себе, был бы умнее целой нации, когда все силы этой нации развернуты и пущены в ход положительным образованием».

«Человечество продвигается вперед – это верно, но никак не следует думать, что каждый шаг человечества есть непременно шаг вперед и каждое движение – движение к лучшему».

В конце 60-х–начале 70-х гг. под влиянием европейского материализма и позитивизма формируются социально-философские взгляды «народничества» (**Лавров, Михайловский, Ткачев**).

Петр Лаврович Лавров (1823-1900) – один из первых пропагандистов социализма в России. «Будущий строй русского общества...должен воплотить в дела потребности большинства, им самим созданные и понятые...»

Для него было характерно, прежде всего, «нравственное убеждение» в необходимости социализма: «есть нечто глубоко оскорбительное в вооружении штыком или револьвером даже самой справедливой идеи».

Прогресс общества заключается в развитии личности, составляющей не результат истории, а ее исходный пункт. «Критически мыслящая личность вырабатывает нравственный идеал и активно претворяет его в жизнь, благодаря чему и осуществляет прогресс».

«Теория неоплатного долга»: «преступно пользование социальными благами без соответствующего труда на пользу и на развитие общества».

В работе «Практическая философия Гегеля» он подходит к проблеме нравственности и свободы личности. «В нравственном сознании личности воля получает действительное бытие, и только в личности она может иметь его, поэтому личная нравственность есть действительная сторона свободы». «Истинная нравственность», по его мнению, заключается в «разумном содержании обязанностей», предписанных законом.

В другой статье «Очерки вопросов практической философии» он подчеркивал: «человек не выделим в действительности из общества, как общество немыслимо без отдельных личностей». Сознание есть единственный источник нравственного и умственного богатства человека. «Истинное достоинство нашего Я заключается не в нем самом, но в том следе, который наше Я оставляет за собой в жизни».

В основу своей антропологической философии он положил принцип: «процесс личного сознания действительно совершается – все явления его действительны для этого личного сознания».

Николай Константинович Михайловский (1842-1904) – один из создателей т.н. «субъективного метода в социологии»: конструирование идеального общества, в котором должно обеспечиваться всестороннее развитие личности. Социальные процессы необходимо рассматривать с точки зрения «великой двуединой правды»: правды истины и правды справедливости. Субъективное понятие, оценка необходимо включается в познание общественных явлений. В социальном познании нет абсолютной истины, а есть только нравственная оценка с точки зрения человека.

Петр Никитич Ткачев (1844-1882) – идеолог «русского бланкизма».

Отмечая роль личности в истории, он писал о том, что личность постоянно вносит в процесс развития общества много того, что «решительно противоречит предшествующим историческим посылкам и данным общественным условиям». Поэтому личности могут влиять на ход исторического развития. Нет никакого противоречия между пониманием истории как «естественного процесса» и пониманием истории как она отражается в сознании личности. Личность есть продукт длительного ряда причин и продукт своей социальной среды.

В революции он отдавал предпочтение практике перед теорией. Теория личного «экономического материализма»: экономические интересы и порождаемые ими «аффекты» играют в истории более важную роль, чем знания и критика (т.е. теория). Действующее лицо революции – «мыслящее ничтожное меньшинство», за которым следует «образованное большинство» и только затем идут «народные массы».

Народ является революционной силой лишь в возможности. Превратить народные массы из возможной революционной силы в действительную, развязать инициативу их и составляет задачу интеллигентного, революционно настроенного меньшинства.

Он полагал, что коренное изменение отжившего социального строя России с его переустройством на принципах социализма возможно лишь посредством революции. Главное орудие социального переворота – «революционное государство», которое на другой день после революции должно установить новое социалистическое общество.

В одной из основных своих работ «Задачи революционной пропаганды в России», написанной в виде письма П.Л. Лаврову, он писал: «Насильственная революция тогда только и сможет иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само сознало свои потребности... Народ действительной революции – это бурная стихия, все уничтожающая и разрушающая на своем пути, действующая всегда безотчетно и бессознательно».

В статье «В набат!» он подчеркивал, что насильственное нападение на существующую политическую власть с целью захвата есть ближайшая задача революции, которую легче всего осуществить в результате государственного заговора. «Государственный заговор является, таким образом, если не единственным, то во всяком случае главным и наиболее целесообразным средством к насильственному перевороту».

В работе «Революция и государство» он записал: «Мы говорим: революция должна быть осуществлена более или менее интеллигентным, революционно настроенным меньшинством... Только обладая властью, меньшинство может заставить большинство... переустраивать свою жизнь сообразно с его истинными потребностями, сообразно с идеалами наилучшего и наисправедливейшего общежития».

Одним из adeптов «ткачевизма» был **Сергей Михайлович Кравчинский** (1851-1895), литературный псевдоним **Степняк**. Основная тема его литературных и публицистических работ – личность революционера и народ, ради которого революционер должен быть готов принести себя в жертву. «...Жизнь не имеет никакой ценности, если у тебя на глазах подвергается мучениям горячо любимый тобою народ».

Он создал идеал революционера-террориста. «Это человек с сильной, полной индивидуальностью. Он не имеет, да и не ищет того благоухания нравственной красоты, которая превращала пропагандиста как бы в существо не от мира сего. Его взор не обращен вглубь себя самого; он устремлен на врага, которого он ненавидит всеми силами своей души. Это представитель

непреклонной гордой личной воли. Он борется не только за угнетенный народ, и не только за общество, задыхающееся в атмосфере рабства, но и за самого себя, за дорогих ему людей... Он поклялся быть свободным и будет свободным, во что бы то ни стало. Ни перед каким кумиром не преклонит он колена. Он посвятил свои сильные руки делу народа, но уже не боготворит его».

Он считал, что революция – это быстрый процесс одновременных сломки старого и создания нового строя, который не может быть осуществим по заранее составленному плану.

Петр Алексеевич Кропоткин (1842-1921) – друг и последователь **М.А. Бакунина**, - завершает плеяду имен русской политической философии.

В книге «Хлеб и воля» он высказал убеждение в том, что «современные общества ... неизбежно должны двигаться к коммунизму». Коммунизм – это синтез свободы экономической и свободы политической. Он критикует «научный социализм» (марксизм): «коммунистическое государство – есть утопия», но коммунизм может принимать любые формы, включая «полную свободу личности» и «полное порабощение всех». Его «коммунизм» – это синтез, соединение в одно двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена: свободы экономической и свободы политической. «Было бы, конечно, очень желательно, чтобы вся Европа восстала одновременно, чтобы повсюду произошла экспроприация, чтобы повсюду революционеры руководствовались принципами коммунизма... Но, по всей вероятности этого не будет».

В другой книге «Современная наука и анархизм» он писал о том, что «большинство социалистов-государственников» не пытаются даже уточнить, что они понимают под именем «социалистического государства», которое не может быть ни чем иным как государственным капитализмом». «Коммунистическое государство» - это утопия. Закон государства – лишение широких масс народа большей части «плодов его труда» в пользу «некоторых привилегированных».

Он гениально предсказал дальнейшее развитие «социалистического государства».

«Цивилизованным нациям пришлось слишком много выстрадать в борьбе за освобождение личности, чтобы они могли отречься от своего прошлого и примирились бы с правительством, вмешивающимся в малейшие подробности жизни граждан, даже если бы это правительство не руководствовалось никакой другой целью кроме общего блага».

К русской «философии жизни» относятся работы так называемых «почвенников»: **А. Григорьев, Н. Страхов, Ф. Достоевский** и др.

Федор Михайлович Достоевский (1821-1881) в своих произведениях формулировал смысл и историческое значение «архетипа» и менталитета человека и народа. Невысказанные, бессознательные, но чувствуемые, идеи как бы слиты с душой человека. Они есть в народе, в человеке, они лежат в основе их бессознательной жизни. В числе таких глубинных, скрытых в русском народе идей, – идея всеобщей ответственности, взаимопомощи и всеобщих братских связей, - «чисто русская идея». Высшее предназначение России – в

христианской примирении народов. В этом русский писатель видел смысл «русского социализма» как общественного идеала.

Актуальнейшим вопросом для русской радикальной интеллигенции во второй половине XIX века был вопрос о значении философии в русской культуре.

Так, например, **П. Л. Лавров** утверждал, что «само название философии кажется подозрительным, определение ее невозможным, существование ее как науки подвержено сомнению». В «Трех беседах о современной значении философии» он писал: «у нас нет философского предания, великих имен национальных мыслителей, которых системы спорили бы о господстве между ними». Вместо философских школ у нас были только «философствующие единицы».

Н.Г. Чернышевский по этому поводу заметил: «литература у нас пока сосредотачивает почти всю умственную жизнь народа». «Господство философии над всею умственной нашей деятельностью в начале настоящего периода нашей литературы есть замечательный исторический факт, заслуживающий внимательного изучения».

Д.И. Писарев заявил, что для того, чтобы быть нравственным человеком, необходимо быть «до известной степени мыслящим человеком», а «способность мыслить крепнет и развивается только тогда, когда личность успевает вырваться из-под гнета материальной необходимости».

П.Н. Ткачев весьма сдержанно относился к философии, так как ее общественное значение считал вредным. «В настоящее время можно сказать почти с безусловной достоверностью, что философия потеряла свой кредит в глазах каждого здравомыслящего человека». Философские занятия он считал «родом социального паразитизма». В «Кладези мудрости российских философов» он писал: «Я знаю, что не только беседовать с российскими философами, но беседовать даже по поводу их, не всегда безопасно. Российские философы - люди крайне амбициозные, на язык очень не сдержанные и даже ядовитые».

Так, в русском обществе сложилось предубежденное мнение относительно философии. Философия воспринималась как «философствование» об отвлеченных предметах, когда как жизнь требовала немедленного решения насущных проблем.

В.В. Зеньковский, историк русской философии, заметил, что русская философская мысль была «на пороге» создания философских систем и, если это не было сделано, то не по причине отсутствия «философского дарования», а из-за того, что оно «распылялось» в конкретной жизни, уходило «на злобу дня».

Русская философия религии

В 70-80-е гг. в Духовных Академиях активно развивается религиозная философская мысль, в которой доминируют вопросы обоснования православной веры.

Философия до XIX века была под категорическим запретом в среде русского духовенства и выпускники духовных учебных заведений должны были приносить клятву о том, что они никаких «языческих» и других философских книг не читали. Философия была символом «жидовства», «язычества» («эллинства») и, наконец, «латинства» (католицизма) и на протяжении веков находилась под жестокой цензурой русской православной церкви.

В.В. Зеньковский: «Философы, вышедшие из Духовных академий, думали не о «сближении» христианства и современности, а о построении системы христианской философии, исходящей целиком из основ христианства, но свободной в построении системы». Философия понималась ими как «раскрытие в области мысли, по законам разума того, чем жила христианская вера».

Но исторический парадокс заключается в том, что именно этот «запрет» обусловил появление в конце XIX века оригинальной русской религиозной философии. При этом следует различать «философию религии», которая обращалась к религии как предмету философии, от собственно «религиозной философии», которая разрабатывала философские принципы христианства изнутри самого религиозного учения.

В.В. Зеньковский: «Целая плеяда, высоко талантливых людей, часто исходя из совершенно различных оснований, не только связывают свои философские идеи с христианством, но пытаются религиозно осмыслить и самые трудные пути и задачи философии. Большинство из них ... ставят философию и религиозный «мир» рядом».

Русская философия религии в конце XIX – начале XX вв. представлена в работах **П. Д. Юркевича, Н. Ф. Федорова, В.С. Соловьева, В. В. Розанова, братьев К.Н. и Е.Н. Трубецких, П.А. Флоренского** и др. Она есть философское обоснование самого феномена религии в контексте мировой культуры и христианства в контексте русской культуры. Основными для нее были три темы: первая – тема «персонализма» или личности, вторая – тема свободы, третья – социальная тема.

Памфил Данилович Юркевич (1824-1874) – одним из первых предпринял попытку философского обоснования религии, обращаясь к античной (Платон, Аристотель) и немецкой классической (Гегель, Шеллинг) философии.

Его основная работа - «Идея». Без идеи невозможно понять закономерность природы, следовать «правилам», проявлять свою сущность в однообразных и неизменных формах. «...Нелегко перевести мысль в бытие, чуждое мысли, найти смысл в произведении, не имеющем смысла, понять явление, которое сложилось несообразно с понятием». Идея - «истинная, неподдельная действительность принадлежит божественному и разумному как такой духовной сущности, которая служит источником бытия и его познания», так как истинная сущность предмета познается в «идее» предмета, а это значит, что «сама она идеальна».

Философ утверждал, что для нашего человеческого сознания всегда остается нечто непостижимое, всегда будет существовать для нас «мир

потусторонний». Поэтому «философия как целостное мировоззрение есть дело не человека, а человечества».

Другим аргументом обоснования религии он избрал «сердце» человека: сердце есть средоточие нравственного состояния. «Основа религиозного сознания человеческого рода заключается в сердце человека; религия не есть нечто постороннее для его духовной природы, она утверждается на естественной почве».

«Бытие Бога доказываем просто тем, что мыслим мир явлений в общности и необходимости, потому что общая и необходимая мысль о мире, или мысль мира, есть Бог».

Философия, полагал он, «пытаясь уяснить и обосновать то миросозерцание, которого зачатки находятся во всякой человеческой душе и которое необходимо предполагается религиозною и нравственною жизнью человечества».

Николай Федорович Федоров (1828-1903) мечтал о победе над смертью. «Пауперизм»: необеспеченность человека жизнью. Собственно религия не являлась предметом его философских размышлений. «Общим делом» он называл свой проект активной преобразовательной деятельности, в которой должно воплотиться единство практического и теоретического действий.

Он формулировал «космический» взгляд на человека как на «землянина» «Ненаучная» система категорий идеального сознания: появление сознания человека было необходимым как «разум для природы». «Регуляция природы» (сознательное управление эволюцией) должна вовлечь организм самого человека и его психику. «Разум практический, равный по объему теоретическому, и есть разум правящий, или регуляция, т.е. обращение слепого хода природы в разумный». «Психократия» – власть психологии взаимного родства в обществе, власть разума над законом.

Его основная книга - «Философия общего дела»: «Братство» как высшая ценность достигается на пути всеобщего «синтеза», объединяющего теоретический и практический разум (бога, человека, природу, науку и искусство) в религии для объединения всех в «общем деле» обращения слепой силы природы в орудие разума всего человечества для «возвращения вытесненного». Воскрешение всех ранее живших – «общее дело» человечества. «Супраморализм» - проект «материализации» христианской догматики в «живой этике» путем победы над смертью.

«Истинная религия одна – это культ предков и притом всемирный культ всех отцов как одного отца... Терпимость, говорящая, что все религии истины, показывает полнейшее равнодушие, т.е. признает ненужность религии».

Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900): идея положительного «всеединства» или «всеединого сущего» - синтеза истины, добра и красоты, - которое является сферой абсолютного, божественного. Основной пафос «всеединства» – «оправдание добра», вытекающее из понимания «сущего» как блага. Идеал «свободной теософии», совмещающий эмпиризм, рационализм и мистику.

«Есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собою исчезающее с ростом добра или оно есть действительная сила, посредством соблазнов владеющая миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия?»

«Цель истинной философии – содействовать в своей сфере, то есть в сфере знания, перемещению центра человеческого бытия из его данной природы а абсолютный трансцендентный мир». Свою философию он называл «Философией жизни».

Его религиозно-исторические взгляды оригинальны даже для его времени. Так, он критиковал византийское наследие христианства, видя в нем причину духовного застоя русской церкви. Религия для него есть «связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего». Содержание божественного начала дается опытом. «Что Бог есть, мы верим, а что Он есть, мы испытываем и узнаем».

«Софиологическая теория»: «Мысль о Софии всегда была в христианстве, более того, она была еще до христианства». София для него есть идеальное, «совершенное человечество», заключенное во Христе как «цельным божественном существе». Если Бог должен проявить себя в «другом», то это «другое» есть его собственное выражение, которое и называется Словом.

В книге «Чтения о богочеловечестве» он соглашался с «современными противниками религии», так как, по его мнению, религия в действительности является не тем, чем она должна быть, «современная религия есть очень жалкая».

Он неожиданно пришел к выводу о том, что социализм своим требованием общественной правды и невозможностью осуществить ее на конечных природных основаниях логически приводит к признанию необходимости безусловного начала в жизни, т.е. к признанию религии.

«Тот мир, который мы знаем, есть во всяком случае только явление для нас и в нас, наше представление, и если мы ставим его целиком вне себя как нечто безусловно самостоятельное и от нас независимое, то это есть натуральная иллюзия». Истинная реальность определяется как «мир идей». «Наша природа», т.е. «фактически данный нам действительный мир» составляет «загадку для разума».

В книге «Оправдание добра» заложена идея о невозможности подчинения нравственности отвлеченным теоретическим и религиозным принципам. Он не ставил перед собой задачу проповедовать добро или обличать порок, считая это занятие «безнравственным». Главное – помочь читателю ответить на вопрос: «есть ли в нашей жизни вообще какой-нибудь смысл». «Человек в принципе или по назначению своему есть безусловно внутренняя форма для добра как безусловного содержания». Нравственный смысл жизненной задачи человека состоит в «служении добру чистому, всестороннему, всеильному». Помочь человеку в этом, и есть задача нравственной философии.

Интересен его поворот к категории добра через историю человечества: «Человеческая личность, и, следовательно, каждый единичный человек есть

возможность для осуществления неограниченной действительности, или особая форма бесконечного содержания».

В этой книге он обращался также к «национальному вопросу» в России. Отношение человека к народности определяется либо «националистическим», либо «космополитическим» взглядами. Нравственная несостоятельность национализма состоит в том, что история свидетельствует о том, что народы преуспели только тогда, когда служили не себе как самоцели, а «высшим и всеобщим идеальным благам». Но, прежде чем осуществлять в себе «идеал человечества», нации должны были сами сложиться и определиться в своей национальности.

«Если история национальная есть основа единства народного, то история всеобщая или всемирная есть основание для более широкого, но не менее крепкого единства всечеловеческого. Более того, национальная история вовсе немыслима иначе, как неразделенным членом всемирной истории».

Социальный идеал – «свободная теократия» или «вселенская церковь», чуждая какого-либо национализма и объединяющая православие, католицизм и протестантизм. Его реализация создает «Богочеловечество».

Как поэт он обосновывал свою «философию искусства», обращаясь к «эстетике природы». Для него красота есть «нечто формально особенное», прямо независящее от «материальной основы явлений». Красота имеет объективное значение вне какого-либо утилитарного отношения. Красота не разложима на первичные элементы приятности или полезности. «Формальная красота всегда заявляет себя как чистая бесполезность». Красота есть «воплощение идеи», которая есть «полная свобода составленных частей в совершенном единстве целого».

В.В. Зеньковский: «Владимир Соловьев, скончавшийся как раз на пороге XX века (31 августа 1900 года), символически отделяет себя и собою тех, кого главные создания созрели еще в XIX веке, от тех, чье творчество развернулось преимущественно в XX веке».

В Санкт-Петербургском университете было создано «Философское общество», затем «Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева». Проводились «религиозно-философские собрания». Издавались журналы «Мусaget», «Вопросы философии и психологии».

Сергей Николаевич Трубецкой (1862-1905) – последователь Соловьева, - полагал, что невозможно изучать историю философии вне истории религиозной мысли: «метафизика древности» в борьбе с язычеством подготовила почву для «разумного усвоения начал христианства». Его основная работа: «Учение о Логосе в истории. Философско-историческое исследование» - фундаментальное исследование древнегреческой философии и раннего христианства. Он был убежден, что знание истории философии является фундаментом разума. Именно отсутствие «правильной дисциплины ума», по его мнению, явилось характерной чертой русской философской мысли, никогда не знающей «умственной школы».

В его философской концепции главное место занимает категория «универсальной чувственности» как функции «мировой души»: человек верит в

определенный смысл мира и в смысл своего существования, в безусловную цель, идеал своего существа. Утрата этой веры ведет к культурному кризису.

«Философский анализ нашего ума, нашего опыта, наших познавательных процессов, всего нашего сознания оправдывает нашу веру в разум и приводит нас к обоснованному идеализму».

Именно учение о Логосе включает в себе признание абсолютной истинности или абсолютной подлинности богосознания Христа, которое определяется как «сознание Самого Бога о Себе или Логос Божий».

Кн. Евгений Николаевич Трубецкой (1863-1920) – один из братьев Трубецких, ученик Вл. Соловьева. Книга «Смысл жизни» была написана в 1918 году: «Внешним поводом настоящего труда являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычного напряжения ...Россия лежит в развалинах; она стала очагом мирового пожара, угрожающего гибелью всемирной культуры... И чем мучительнее ощущение действующей кругом бессмыслицы, тем ярче и прекраснее видение безусловного смысла, который составляет разрешение мировой трагедии». «Смысл жизни» - «общезначимое мысленное содержание», «общезначимая мысль», «положительная общезначимая ценность».

«С тех пор, как человек начал размышлять о жизни – жизнь бессмысленная всегда представлялась ему в виде замкнутого в себе порочного круга... Змей, сам себя кусающий за хвост».

Мировой процесс представляется как «бесконечное круговращение», повторение одного и того же, замыкающийся смертью и обретающий форму «дурной бесконечности» рождений и смертей.

«Вера в смысл жизни неразрывно связана с верой в человека как носителя этого смысла, в безусловное царствование достоинство человека».

В «государственной жизни» человека для этого достоинства нет места, потому что государство извращает «самый духовный облик» человека.

«Государство хочет быть для человека безусловной ценностью; оно вообще не склонно признавать никаких высших над собой ценностей, в том числе и ценностей человеческой души или безусловного достоинства человека».

Только христианство дает положительное решение вопроса о смысле жизни: «или нет победы смысла над бессмыслицей, или есть полная, всему миру явленная победа на кресте». Искомый смысл жизни есть «всеединство», «всеединное сознание», которое включает в себе абсолютную мысль обо всем.

Василий Васильевич Розанов (1856-1919) – по его словам, «пишущий по религиозным вопросам», – особое внимание уделил проблеме места религии в культуре.

«Мы, русские, имели две формы выражения философских интересов: официальную, по службе, т.е. должностную. Это – «философия» наших университетских кафедр. И мы имеем как бы философское сектантство: темные, бродящие философские искания, которые давно начавшись, продолжаются до настоящей минуты». Сам он себя считал выразителем второй форм философствования.

Одна из религиозных проблем, которая его интересовала, была проблема места христианства в истории культуры. В истории есть «предвечная мысль», заботливо руководящая нашей жизнью. «Далекая и последняя цель, к которой направляет нас эта мысль, есть ...христианская цивилизация». Религия и есть тот нравственный закон, «данный нам, чтобы руководить нами в жизни».

В работе «Русская церковь» он писал: «религия есть душа нации». Но «религиозное мышление, в пределах схемы христианской, давно представляет собою иссохшую мумию в драгоценном саркофаге, о которой никто не заметил даже момента, когда же именно она перестала жить и дышать».

Человек по своему существу «метафизичен» и, если он воспринимает какую-то религию, то он сам себе священник и пророк. «Во всяком случае, размышляющие люди имеют причину сомневаться в мессианизме всего христианства и, следовательно, о лице Иисуса как Мессии».

Всякий человек есть «центр крошечной религии», таинственной и «своей». Двух людей с абсолютно тождественной религией нет и не должно быть. «Чудное дело – религия, как-то умеет же человек самое насущное свое – боли, горести, поименные, ежедневные – связать с самым далеким, неосязаемым, вездесущим...Религия есть тайна».

В книге «Люди лунного света. Метафизика христианства» он записал: «Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию». «Мой Бог – особенный. Это только мой Бог, и еще ничей... Мой Бог – бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность».

В другой книге «Опавшие листья» он, напротив, писал: «Церковь есть душа общества и народа. Можно ли поднимать руку на душу? Хотя бы она и была порочная». Он был убежден, что русский народ и его церковь – это одно и то же, и «кто любит народ русский – не может не любить церковь».

Павел Александрович Флоренский (1882-1937, погиб в ГУЛАГе): «довольно философствовать над религией и о религии, надо философствовать в религии – окунуться в ее среду».

В. В. Зеньковский: «Флоренский развивает свои философские взгляды в пределах религиозного сознания, но его своеобразие заключается в том, что он хочет сохранить всецелую верность традиции Церкви и в то же время, выразить свои новые идеи».

Основная работа «Столп и утверждение Истины» (1914) – это попытка связать гносеологический вопрос об истине с тринитарными догматами христианства: «Истина – Отец, Сын, Дух... - Троица единосущая и нераздельная. ...Истина есть единая сущность о трех ипостасях».

Другая его работа «У водораздела мысли (черты конкретной метафизики)» развивает взгляды о мире и человеке («антроподицея»).

«Понимание цели, ради которой существует все в человеке и будет антропологией, ибо цель всего в человеке есть человек».

Бытие есть космос и символ, и задача «конкретной метафизики» заключается в том, чтобы разузнать и изучить эти символы (зрительный символ космоса – икона, слуховой – Имя Божие, Слово).

«Задача философской антропологии – раскрыть сознание человека как целое, т.е. показать связность его органов, проявлений и определений, ...дедущировать человека из основных определений его существа, из его идеи».

В статье «Мысль и язык»: «все науки суть язык» и задача философии – «показать рождение символов от действительности», «имя – вот что объясняет Тайну мира».

Культуру он определял как среду, растящую и питающую личность. «Культура есть язык, объединяющий человечество». Но культура может поработать человека. Такова культура современной цивилизации. «Человек надсаживается над работой для культуры, не получая взамен ничего, кроме своего одиночества, обеднения и раздробления».

В 1921 году он писал: «Сейчас у большинства глубоко несправедливое, жестокое, нехристианское отношение к русскому народу, которое особенно стало развиваться в русском обществе в последнее время: презрительное, жестокое, враждебное... Но я верю в русский народ и в то, что ему предстоят великие религиозные задачи, построение религиозной культуры, хотя долго еще в народ будут всасываться всякие яды».

2. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА

Русская философия и революция

Тема роли интеллигенции в русской революции стала популярной в публицистике сразу после поражения революции 1905 года. Одним из первых, кто обратился к этой теме, был **Лев Шестов (Шварцман)** (1866-1932) в книге «Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления» (1905).

Несмотря на то, что «философы ценят свои системы очень высоко», однако, в этой области, по его мнению, «новое время почти ничего не сделало». «Всякий философ-исследователь рано или поздно сбрасывает с себя намозолившую ему спину вязанку чистых идей и делает привал, чтобы зачерпнуть живой воды из эмпирического источника, - хотя бы он и дал вначале торжественное обещание не прикасаться к эмпиризму».

Аксиомы философии не должны приниматься за «объективные утверждения». «Человек волен также часто менять свое «мировоззрение», как ботинки или перчатки...» «Нужно взрывать убитое и утоптанное поле современной мысли... Поэтому во всем, на каждом шагу... следует осмеивать наиболее принятые суждения и высказывать парадоксы. А там видно будет».

«Обыкновенно мудрость идет сама по себе, а общество – само по себе».

«Горе тому, кто вздумал бы на Земле осуществить идеал справедливости...»

«Есть достаточно оснований к тому, чтобы недоверчиво относиться к жизни. Она столько раз обманывала нас в самых заветных ожиданиях наших. Но еще больше оснований есть не доверять разуму: ведь если жизнь смогла обмануть нас, то только потому, что бессильный разум дался в обман».

«Истин столько, сколько людей на свете...»

Лев Шестов считается представителем русского экзистенциализма, сформировавшегося под влиянием Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского. «Для Шестова характерен крайний скептицизм, - писал **Н.О. Лосский**, - источником которого явился идеал нереализованного сверхлогического абсолютного познания».

Главной темой вышедшего в 1909 году сборника статей «**Вехи**» была роль интеллигенции в русской революции. «Веховцы», среди которых было немало отдавших в молодости дань увлечению марксизмом, отвергали «марксистскую» революцию и обвиняли в ее деструктивном характере русскую интеллигенцию, которая ее подготовила. «Русская интеллигенция как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особыми условиями нашего культурного, экономического и политического развития», - писал **П. Б. Струве**.

Главный порок русской интеллигенции заключается в том, что она постоянно переносит определенные идеи западноевропейской философии на русскую почву в своих революционных целях. «Интеллигенция готова принять на веру всякую философию под тем условием, что бы она санкционировала ее социальные идеалы», - заметил **Н.А. Бердяев**.

В своей статье «Философская истина и интеллигентская правда» **Н.А. Бердяев** писал, что отношение интеллигенции к философии было «малокультурно, ...самостоятельное значение философии отрицалось, философия подчинялась утилитарно-общественным целям. ...Все это вело к тому, что уровень философской культуры оказался у нас очень низким, философские знания и философское развитие были очень мало распространены в среде нашей интеллигенции...Долгое время считалось безнравственным отдаваться философскому творчеству, в этом роде занятий видели измену народу и народному делу».

С.Н. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» заявлял: «Россия пережила революцию. Эта революция не дала того, что от нее ожидали. ...Революция поставила под вопрос самую жизнеспособность русской гражданственности и государственности; не посчитавшись с этим историческим опытом, с историческими уроками революции, нельзя сделать никакого утверждения о России, нельзя повторить задов ни славянофильских, ни западных. Речь здесь идет о революции 1905-го года, которая, по его мнению, есть «духовное детище интеллигенции», и в этом смысле «ее история есть исторический суд над этой интеллигенцией».

«Сознательно или бессознательно, но интеллигенция живет в атмосфере ожидания социалистического чуда, всеобщего катаклизма, в эсхатологическом настроении».

С.Л. Франк писал: «Символы веры русского интеллигента есть благо народа, удовлетворение нужд «большинства». Служение этой цели есть для него высшая и вообще единственная обязанность человека, а что сверх того, то - от лукавого». Он определял «классического» русского интеллигента как «воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия».

«Кучка чужих миру и презирающих мир монахов объявляют миру войну, чтобы насильственно облагодетельствовать его и удовлетворить его земные материальные нужды».

Ответом на публикацию «Вех» в 1910 году появился сборник **«Интеллигенция в России»**, авторы которого представляли правое консервативное направление общественной мысли.

П.Н. Милюков, известный политический деятель и историк, в большой аналитической статье «Интеллигенция и интеллигентская традиция» отмечал взаимоотношение понятий «интеллигенция» и «культура». «Культура – это чернозем, на котором расцветают интеллигентские цветки...»

Он признавал, что русская интеллигенция всегда была «антиправительственной». Но «появление интеллигенции есть необходимое предварительное условие для возникновения националистического самосознания. «Национализм» есть уже продукт интеллигентского творчества».

Экономист и историк **М.И. Туган-Барановский** заметил, что одной из характерных отличительных черт в русской интеллигенции является «социалистическая симпатия». «...Русский интеллигент стоял вне влияния буржуазной культуры уже по одному тому, что таковой у нас не было». Русский интеллигент выбирает рационалистический социальный идеал – «социализм». Но «социализм» не должен отождествляться с «марксизмом», так он существовал «до Маркса» и будет существовать после того, как «марксизм будет изжит и превзойден».

Таким образом, консервативно-демократическое крыло русской революции пыталось реабилитировать русскую интеллигенцию.

Русская революция 1917 года убедительно показала, что ошибались обе стороны.

«Русская революция была концом русской интеллигенции», резюмировал **Н.А. Бердяев** в книге **«Из глубины. Сборник статей о русской революции»**, изданной в 1918 году в основном теми же авторами, которые участвовали в «Вехах».

«С Россией произошла катастрофа, - писал **Н.А. Бердяев** в статье «Духи русской революции». – Она ниспала в темную бездну. И многим начинает казаться, что единая и великая Россия была лишь призраком, что не было в ней подлинной реальности». «...Русская революция антинациональна по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп», хотя в ней все-таки отразился «русский стиль». «Духи русской революции – русские духи, хотя и использованы врагом нашим и на погибель нашу».

Он считал, что «после бесовства революции святость русской революционной интеллигенции не представляется уже столь канонически бесспорной».

Сергей Булгаков восклицал: «Погибло, все погибло! Умерло все, и мы умерли, бродим как живые трупы и мертвые души. До сих пор я ничего не понимаю, мой ум отказывается вместить. Была могучая держава, нужная друзьям, страшная недругам, а теперь – это гниющая падаля, от которой отваливается кусок за куском на радость всему слетевшему воронью».

Он обращал внимание на то, что «социализм в нашем российском большевистском переводе» не имеет ничего общего с европейским социализмом. «Большевизм есть, конечно, самое последнее слово нигилизма и народобожия». Поэтому русская интеллигенция – «духовная виновница большевизма».

Юрист и философ **П.И. Новгородцев** в статье «О путях и задачах русской интеллигенции» писал: «Несчастье заключается в том, что яд социалистических и анархических учений отравил собою не только социалистическое и народническое сознание в подлинном смысле этого слова, но что он глубоко проник во все мирозерцание русского просвещенного общества...»

Вместе с «ядом социализма» русская интеллигенция приняла и «отраву народничества», т.е. веру в то, что «народ всегда является готовым, зрелым и совершенным, что надо только разрушить старый и государственный порядок, чтобы для народа оказалось возможным осуществить самые коренные реформы, самую грандиозную работу общественного созидания».

П.Б. Струве, публицист и политик-либерал, в своей программной статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи» утверждал, что «русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором». Он считал, что русская революция явилась результатом совпадения «извращенного идейного воспитания русской интеллигенции» и воздействия мировой войны на народные массы. Он был убежден, что «русская революция есть первый в мировой истории случай торжества интернационализма и классовой идеи над национализмом и национальной идеей».

С. Л. Франк заключал: «Россия произвела такой грандиозный и ужасный по своим последствиям эксперимент всеобщего распространения и непосредственного практического приложения социализма к жизни, который... для всей Европы обнаружил все зло, всю внутреннюю нравственную порочность этого движения [социализма – М.К.]».

Феномен русской революции был тщательно исследован ученым-социологом **Питиримом Сорокиным**. В своих воспоминаниях «Бойня: Революция 1917 года» он писал о трех «типичных» фазах всех «великих революций». Первая отмечена радостью освобождения от «тирании» старого режима и ожиданием обещанных реформ. Эта стадия «лучезарна» и кратковременна. Она сменяется «деструктивной» фазой революции, которая превращается в «ужасный шквал», сметающий все на своем пути. На этом этапе революция уничтожает не только отжившую политическую элиту, но и «множество творческих лиц и групп», т.е. интеллигенцию. Если «торнадо» второй фазы не успевает уничтожить «до основания» нацию, то революция вступает в свою третью, «конструктивную», фазу, начинает создавать «новый» социальный и культурный порядок. На этой стадии «власть провоцирует тиранию».

В одной из своих статей он отмечал, что «понятие социального равенства» принадлежит к числу тех «стертых монет», которых на «бирже духовных ценностей» еще немало, но подлинную их ценность знают очень не многие.

«Мораль этого равенства является раздачей премий невежеству, болезни, преступности и т.д. и ведет к полному застою культуры и ее приобретений».

В результате своего исследования он делал вывод, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения». «...Именно революция неизбежно создает все условия для возникновения деспотов, тиранов и принуждения масс».

Позже в статье «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» он записал: «Первая фаза Русской революции носила деструктивный характер и привела к сильной деморализации Советского правительства и значительной части населения Советского союза». Но «Великие ценности» дореволюционной России были восстановлены. «...В идеологическом и поведенческом отношении сегодняшняя модель русской нации и других народов Советского Союза, возможно, более жизнеспособна, чем мораль ряда западных и восточных наций».

Н.А. Бердяев (1874-1948) в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», изданной за рубежом в 1937 году, писал о том, что «противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента...» По его мнению, русская революционная интеллигенция думала, что «властью владеет злая сила» и искала «царства, основанного на правде». Идеи «социального заказа» всегда господствовали над интеллигентским сознанием.

«Первые марксисты хотели опереться не столько на революционную интеллигенцию, сколько на объективный социальный процесс». При этом «тип русского революционера-марксиста был по преимуществу интеллигентный». В том, что марксизм не есть только наука и политика, но также вера и религия, он видит его силу. Марксизм как «идеология силы» была «крушением русской интеллигенции, был осознанием ее слабости». Культурный уровень не только революционеров, но и вожakov революции был невысок. «Тип культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно. Всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала. Он много читал, много учился, но у него не было философской культуры». С этой точки зрения «большевизм есть просто явление русской великодержавности, русского империализма». Нельзя убить «зверя политики», «зло старой государственности» одной «отвлеченной» политикой, «новой государственностью».

Коммунизм был подготовлен всей историей русской интеллигенции. «Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой». Большевики воспользовались расколом между «культурным слоем» и народом.

«Революция есть малый апокалипсис истории, как и суд внутри истории... Революция есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования...» «Никогда больше такой революции не будет».

Георгий Петрович Федотов (1886-1951), философ и публицист, в своей книге «Россия и свобода», (издана в Париже в 1981 году), определял русскую интеллигенцию как движение людей, «объединенное идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей». Русский образованный человек устремляется в погоню за идеями и отрывается от национальной культуры. Парадокс трагедии русской интеллигенции XIX века заключался в том, что, принеся в жертву все, она была «страшно далека» от своего народа, и он за ней не пошел. «Это недоверие лишь видимо зарубцевалось в революции 1905 года, и снова в 1917 году развезло между народом и интеллигенцией пропасть, похоронившую не только царскую власть, но и демократическую революцию».

Русская культура была отравлена «цветами зла», выросшими в подполье. «Мы живем в эпоху гибели гуманистической культуры. Гуманизм в наши дни – хрупкая вещь, ибо он не поддерживается больше общим потоком жизни и требует очень глубоких корней для своего существования».

«Кремль» («заполненный большевиками») для него есть символ новой метаморфозы интеллигенции, которая, в конце концов, найдет свою «почву» в «новом мещанстве», в «пафосе американизма». «Интеллигенция становится лишь символом, обозначающим «категорию» работников умственного труда в буржуазном обществе».

В 1929 году в одной из своих публикаций он предсказал: «...Момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время является и моментом величайшей опасности. Оно, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России, которые попытаются воспользоваться революцией для отторжения от России, опираясь на поддержку ее внешних врагов».

Русская философия в эмиграции

В 1922 г. советское правительство изгнало из страны философов и религиозных мыслителей. Многие из них нашли свое место в современной европейской культуре, работая преподавателями известных университетов, опубликовав достаточно много, в том числе фундаментальных, трудов по актуальным вопросам философии, истории, культуры.

В.В. Зеньковский в свое время записал: «Оставшиеся в России философы ... сошли со сцены, и под постоянным руководством и бдительным надзором государственных властей была создана «советская философия». Сегодня, подводя итоги ушедшего XX века и признавая очевидные достижения так называемой «советской культуры» в области науки, техники и искусства, следует признать, что в области философии ее достижения были значительно «скромнее».

На фоне философского вакуума в советской интеллектуальной жизни русская философская культура получила свое достойное развитие, прежде всего, в эмиграции, разрабатывая свои проблемы, с одной стороны, в духе национальной духовной преемственности, с другой, - в русле современных философских направлений. Среди наиболее широко и многосторонне

разрабатываемых проблем, определившихся еще в конце XIX – начале XX веков, в современной русской философии явились проблемы религии и культуры. К этим проблемам обращались **Н.А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, Г.П. Федотов, С.Л. Франк, Л. Шестов.**

Семен Людвигович Франк (1877-1950) писал: «Мои религиозно-общественные воззрения я определяю как «христианский реализм». В нем признание божественной основы и потому положительной религиозной ценности всего конкретного сущего сочетается с умонастроением рокового несовершенства его эмпирического состояния и потому ограниченности возможностей его чисто человеческого совершенствования».

По его убеждению, «христианство есть религия человечности».

Испытав влияние Ф. Ницше, он понимал его учение в контексте этики «любви к дальнему». «Сверхчеловек», как это показывает самое имя его, – есть существо высшее, чем человек. Моральная цель человеческой жизни заключается в том, чтобы содействовать появлению на земле этого высшего существа».

В своих философских взглядах он исходил из «идеи личности» как носителя и творца духовных ценностей, реализация которых в обществе и есть культура. Личность священна сама по себе, она всегда должна быть целью, но не средством и требует к себе уважения как «вечная лаборатория духовного творчества», как «единственная на земле реальная точка, в которой и через которую действует божественный дух». Жизнь духа свободна и неприкосновенна. Мысль и совесть не могут находиться под властью людей. Они подчинены только своему собственному «верховному суду» и лишь перед ним «повинны отчетом».

Главный его труд по философии религии, – «Непостижимое (онтологическое введение в философию религии)», – написан во Франции в 1938 году. В этой работе он исходил из того, что в опыте, открывающемся нашему сознанию, может встречаться «непостижимое» или «непознаваемое», что не может быть разложено на «признаки понятия». Всякая вещь есть нечто большее, чем мы о ней знаем или можем узнать. Это и есть «непостижимое». «Всякая реальность в ее конкретности металолична и потому сверхрациональна, непостижима по своему существу». «Первооснова» и есть, безусловно «непостижимое» в «наивысшей мыслимой его потенции». Человек как носитель «духовного бытия» стоит ближе к Божеству.

Философия, считал он, не есть «отгадчица» скрытых тайн бытия и не может претендовать на то, чтобы быть «сведущим путеводителем в дебрях загробной участи души». Философия и религии основаны на религиозном опыте, на «откровении». Но философия выдвигает на первый план общее «вечное откровение», тем самым принимает «конкретно-положительное откровение» со стороны его «основоположного общего смысла».

Таким образом, философ, развивая основные идеи Вл. Соловьева и параллельно работам Н.А. Бердяева, рассматривал философскую проблему

религии через призму человека и его культуры. Религия – это культурное бытие человека, выражающее его сущность.

Сергей Николаевич Булгаков (1871-1944) в одной из своих последних книг «Православие. Очерки учения православной церкви» дал свое понимание церкви как общества, связанного единством религиозно-догматического сознания, содержащего и исповедующего «правую веру». Православие имеет «вселенское измерение» и не измеряется какой-нибудь одной эпохой. «Душа православия есть соборность». Соборность есть истинность. Церковь самоочевидна, аксиоматична и не нуждается в доказуемости.

Религия, по его мнению, начинается не с богословия, а с «богожития», хотя и необходимо соединяется с учением. Каждой из исторических ветвей христианства дан свой «особый дар». Православие имеет «видение умной красоты, к которой душа ищет путей приближения». Это есть «небесное царство идей». Главное отличие православия в том, что оно воспитывает сердце, источник в воспитании «религиозной воли».

Он считал, что изначальное соотношение между религией и культурой состоит в том, что «культура исходит из культа, имеет теургический и мистериальный характер». «Православие содержит в числе своих духовных даров и силу творчества культуры, которую имеет дать своим сынам». «Христианство имеет свою социальную и коммунистическую «утопию», которая совершается здесь на земле и имя ей на языке ветхозаветных и новозаветных пророчеств есть Царствие Божие, которое принадлежит в полноте своей будущему веку, но явлено будет ... и еще здесь, на земле».

Н.А. Бердяев позже писал, что Булгаков «никогда не был ортодоксальным марксистом», а скорее – кантианцем и сформировался под влиянием Вл. Соловьева, поэтому его направление в философии называют «софиологическим». Он оставался верен идее «Богочеловечества». «Самой большой правдой его остается его вера в божественное начало в человеке».

Николай Онуфриевич Лосский (1870-19650) в своем труде «Условия абсолютного духа. (Основы этики)», изданном в Братиславе в 1944 году (затем в Париже в 1948 г.), обратился к вопросу отношения религии и культуры через проблемы этики. Он писал: «Этика есть наука о нравственном добре и зле и о существовании его в поведении человека. Она исследует конечную цель жизни человека и поведения его, поскольку оно ведет к достижению этой цели или отклонению от нее».

По его мнению, смысл мира заключается в следующем: «Бесконечное множество тварных существ, образующих мир, наделено такими свойствами, что они способны активно и творчески принять участие в совершенном бытии Бога и удостоиться обожания». Отпавшую от Бога часть бытия он называет «психоматериальным царством».

Он утверждал, что «судьба России после коммунистической революции дает наглядное доказательство того, что одностороннее сосредоточение на одном из видов зла и революционная борьба с ним, имеющая характер хирургического вмешательства в жизнь социального организма, ведет только к новым видам зла...»

Свою теорию он относил к «персонализму», исходя из того, что мир состоит из «сверхмерных и субстанциональных сверхпространственных деятелей», каждый из которых неповторим и незаменим согласно своей «нормативной идее». «Каждый деятель есть действительная или потенциальная личность, наделенная творческой силой и творящая события, имеющие временную или пространственно-временную форму».

В другой своей работе - «Характер русского народа» - он отмечал: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием». Он считал, что «русский народ одарен способностью к высоким формам опыта, более значительным, чем чувственный опыт». Искание абсолютного добра как основное свойство русского народа, явилось источником «богатого развития духа» и «обилия дарований». Так, «любовь к красоте и дар творческого воображения принадлежит к числу факторов, содействующих высокому развитию искусства в России».

Вместе с тем он считал, что «совместно творить гармоническое единство жизни, сверкающей богатыми красками различных культур, можно лишь в том случае, если мы будем сочувственно вживаться в чужие культуры, постигать их как свою собственную... Результаты сочувственного общения с чужими культурами должны быть не обезличение, а углубленное постижение также и своей родной культуры».

Николай Александрович Бердяев в работе «Русская идея» (1946 г.) писал: «Для меня христианство есть религия Духа. Более верно назвать мою религиозную философию эсхатологической...Моя философия – резко персоналистическая, и по ставшей модной нынче терминологии ее можно назвать экзистенциональной...»

Он признавался, что однажды он был «потрясен мыслью: пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни», и он посвятил свою жизнь исканию этого смысла. Вторым «двигателем» его внутренней жизни явилось искание «вечности». Ему был близок идеал человека, преследуемого за вою веру, и он, в конце концов, стал воплощением этого идеала. Своим главным достижением он считал то, что «основал дело своей жизни на свободе».

Его философское наследие огромно. «Я стал философом, пленился «теорией», чтобы отрешиться от невыразимой тоски обыденной «жизни», - писал он. – Философская мысль всегда освобождала меня от гнетущей тоски «жизни», от ее уродства. Я противопоставлял «бытию» «творчество». Ему нравилось, что его называли «философом свободы», которая была для него «первичнее» бытия. «Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу». Но «свобода порождает страдание», «свобода трудна», «свобода аристократична», а не демократична, поэтому «революция масс не любит свободы».

Себя он называл «самым нетрадиционным человеком на свете», т.к. он никогда не подчинялся никаким «авторитетам» ни в философии, ни в жизни. По

этой причине он отошел от марксизма: «я начал борьбу за свободу в самом революционном мире». Он понял, что в марксизме есть «элементы», которые могут привести в «деспотизму» и «отрицанию свободы».

Особенно остро он ощущал проблему свободы в эмигрантской среде, когда увидел, что эмиграция столь же ненавидит свободу, как и «русский коммунизм». «Всякая группировавшаяся масса враждебна свободе... Личность, сознавшая свою ценность и свою первородную свободу, остается одинокой перед обществом, перед массовыми процессами истории». Но истина познается лишь только через свободу.

Его философская мысль была «борьбой за освобождение», потому что он верил в «освобождающий характер философского познания». Философия была для него всегда связана с его судьбой («целостным существованием»), была «обнажением первоначальности своего субъекта». В этом он видел свою общность с философами-экзистенциалистами: «я всегда был персоналистом».

Для него проблема человека – это проблема его творчества. «Я всегда думал, что философское познание есть функция жизни, есть символика духовного опыта и духовного пути...» Свое философское кредо он сформулировал так: «Подлинная жизнь есть творчество, и это единственная жизнь, которую я люблю». Он по праву мог сказать, что вся его жизнь была «эпохой философского творчества».

Как философ он – субъективный идеалист, который исходит из того, что объективной реальности нет, это лишь «иллюзия сознания», существует лишь «объективация реальности, порожденная известной направленностью духа». «Объективированный смысл» лишен для него всякого смысла.

Главной темой его жизненного труда стала «русская идея», которую он сформулировал еще в 1911 году в работе «Философия свободы»: задача русской философии истории – постичь «внутреннюю закономерность» русской истории через посредство «русской идеи».

В 1918 году он издал книгу под названием «Судьба России (опыты психологии войны и национальности)», где он отметил, что России присуще некое «национальное самомнение», которое выражается в том, что Россия считает себя «единственной христианской страной в мире». В связи с этим он обращает внимание на проблему национальности. «Национальность есть проблема историческая, а не социальная, проблема конкретной культуры, а не отвлеченной общности». Он считает, что «кто не любит своего народа и кому не мил конкретный образ его, тот не может любить и человечество». «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек».

В 1946 году вышла в Париже его книга «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века», где был представлен исторический ракурс формирования «русской идеи», преломленный через негативный эмигрантский опыт. Здесь он заметил, что «русскому народу свойственно философствовать», несмотря на то, что «судьба философии в России была мучительна и трагична».

Большое место в русской философии, по его мнению, принадлежит «оправданию культуры». Русские писатели делают различие между «культурой» и «цивилизацией», обличая «цивилизацию» и защищая «культуру».

Он считал определяющей темой для русской культуры религиозную тему и называл ее главными фигурами Достоевского и Толстого. «Для Достоевского в центре стоял человек. Для Толстого человек есть лишь часть космической жизни и человек должен сливаться с божественной природой». «Великая русская духовная культура может быть свойственна только огромной стране, огромному народу».

Иван Александрович Ильин (1882-1954) в своих опубликованных лекциях «Сущность и своеобразие русской культуры», которые были прочитаны в Германии в 20-х годах, говорил о том, что душа народа может быть объяснена и понята только с учетом ее «живой и таинственной взаимосвязи» с его природными условиями. Поэтому русский таит в себе «своеобразную мощь бытия», «пламенное сердце», «порыв к свободе и независимости». Моральное и духовное равновесие русской души выражается в своеобразной свободе и гармонии. Русская душа есть, прежде всего «дитя чувства и созерцания», ее «культуротворящий акт» есть «сердечное видение и религиозно совестливый порыв». У русского человека чувство и созерцание выступают как первичная, определяющая, ведущая и руководящая сила. При этом воля и рассудочное мышление являются силой вторичной.

Он был убежден, что почти все русское искусство имеет историческим и духовным первоисточником церковную религиозность. «Всякая народная культура есть живое органическое единство, корнящееся в религии».

Суровая школа русской военной истории привела к тому, что Россия возникла благодаря терпению и обрела величие в упорстве: «Русские веками учились и научились искусству побеждать, отступая... опять возрождаться, как феникс, восставая из пепла...»

Русская духовная культура предполагает определенную содержательную глубину и ведет к самым «потаенным и святым основам бытия, к источникам жизни». Он отличал «цивилизацию» от культуры, как нечто вторичное, «техническое», «вещественное» и «инструментально создаваемое». «Культура касается внутреннего мира, самого значительного в нем, святого, главного». «Россию с ее цивилизацией веками разрушали, потрясали, превращали в руины, тормозили, сдерживали, и потому русский народ заботился о внутренней культуре». Поэтому Россия была всегда отсталой в «вопросах цивилизации», но никогда не была «бескультурной». «Россия всегда осталась самобытной в своей культуре и творчески развитой страной». В исторической борьбе за «свое бытие», свободу, веру, «движимый мужеством и отмеченный печатью страданий», русский народ отвоевал свое право на независимость и самобытность своей культуры.

Посвятив последние три десятилетия своей жизни идеологической борьбе с «советским строем», Ильин, как никто другой, наиболее адекватно отразил главные аргументы и концепции эмигрантской критики реализованной в

Советском Союзе марксистской политической доктрины. «Мы строго и последовательно отличаем национальную Россию от того интернационального, тоталитарного государства, которое называет себя Советским Союзом». Как убежденный монархист, он отвергал «социализм» как историческую реальность, полагая, что для России и Европы он является трагической утопией.

В своей критике социализма он исходил из того, что «социализм антисоциален потому, что ... уравнивает всех в нищете и зависимости». Социализм «угашает» частную собственность и частную инициативу, заменяя их монопольной собственностью государства и монопольной инициативой «единого чиновничьего центра». Это приводит к полной зависимости «трудящихся» от «касты» партийных работников.

Он утверждал, что «Россия сможет возродиться и расцвести только тогда, когда в это дело вольется русская народная сила в ее лучших национальных представителях, т.е. «демократическая диктатура».

Он подчеркивал, что «человек, лишенный правосознания, подобен зверю и ведет себя как волк». Человек без чувства ответственности и чести не способен к демократии. Он признает необходимость участия народа в политической жизни своего государства. «Но форма этого участия и степень этого участия должны соответствовать умственному и нравственному уровню народа, а также личным способностям и духовной зрелости человека».

В своих статьях, объединенных при их издании общим названием «Наши задачи», он обращал внимание на то, что когда государство становится «делом улицы», тогда «политика, безразличная к качеству людей, качественно снижается» и начинается «государственное разложение» и на поверхность выплывает «политическая чернь», т.е. все «нравственное гнилье», все «общественные подонки». «К черни принадлежат люди злой и порочной воли; люди без чести и совести; люди с мертвыми нравственным и социальным чувством, люди беспринципные в своей хищности...»

Его безусловный патриотизм выводил его иногда на позиции национализма. «Россия может быть освобождена и возрождена только русскими», - заявлял он. Для этого «России нужен новый русский человек, с обновленным – религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным – укладом».

Он предупреждал о том, что «после большевиков Россию может спасти величайшая государственная дисциплинированность русского народа или же национально-государственно-воспитывающая диктатура». Когда народ не способен к самодисциплине, он призывает диктатора».

Под этим углом зрения философ, долго проживший в так называемых «демократических» странах Европы, весьма скептически оценивал возможности «демократии» в России. Он писал: «Лозунг «демократия немедленно и во что бы то ни стало» один раз уже привел в России к тотальной диктатуре. Он грозит такой же диктатурой впредь, но уже антикоммунистической».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, завершая обзор истории русской философии XIX-XX веков, можно отметить следующее.

Прежде всего, русская философская мысль сформировалась поздно и была воспринята неоднозначно в русском обществе. Она изначально стала формироваться в трех основных направлениях: культурологическом, социально-политическом, религиозном. Вместе с тем она развивалась как бы на двух уровнях» «академическом» и публицистическом. «Академическая» философия, представленная в высших учебных заведениях, ставила, главным образом, задачу распространения западноевропейских, в основном, немецких, философских систем. Философская публицистика в монографиях и статьях обращалась, преимущественно, к актуальным проблемам жизни русского общества.

Результаты в каждом из трех направлений развития национальной философии были различны. Так, оригинальные идеи русской философской культурологии получили свое дальнейшее развитие в западноевропейской культурологии XX века, хотя практически не оказали влияния на русскую культуру. Русская социальная философия эволюционировала от идей «русского национализма» через «анархизм» и «русский социализм» к «марксизму». Русская философия религии достигла апогея своего развития в XX веке, главным образом в эмиграции. При многообразии взглядов русских философов в эмиграции объединяющей для них идеей явилась «русская идея». Русская культура, русская история, русский человек – проблемы, которые стояли в центре внимания русской философии за рубежом.

Естественно, что русская философия XX века не могла обойти тему русской революции 1917 года и судьбы России в «советскую» эпоху. Здесь многие прогнозы русских мыслителей оказались подтвержденными историей, и остается только сожалеть, что они не были приняты во внимание во время.

Современная культура не может развиваться без современной философии.

ВОПРОСЫ К СЕМИНАРСКОМУ ЗАНЯТИЮ

1. Русская философия XIX – начала XX веков

1.1. Русская социальная философия

- П.Я. Чаадаев
- А.И. Герцен
- М.А. Бакунин
- П.Л. Лавров
- П.Н. Ткачев

1.2. Русская религиозная философия

- П.Д. Юркевич
- Н.Ф. Федоров
- В. С. Соловьев

- В.В. Розанов
- П.А. Флоренский
- 2. Русская философия XX века
- 2.1. Русская философия и революция
 - Л. Шестов
 - П. Сорокин
 - Г.П. Федотов
- 2.2. Русская философия в эмиграции
 - С. Л. Франк
 - С. Н. Булгаков
 - Н.О. Лосский
 - Н.А. Бердяев
 - И.А. Ильин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бакунин М.А. Философия, социология, политика. /М.А. Бакунин - М.: Правда, 1989.- 622 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества./Н.А. Бердяев - М.:Правда,1989.-607 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. / Н.А. Бердяев - М.: ФО СССР, 1990.- 240 с.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма./Н.А. Бердяев - М.: Наука,1990. – 224 с.
5. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии./Н.А. Бердяев - М.: Книга, 1991.- 446 с.
6. «Вехи. Интеллигенция в России». Сборники статей 1909-1910. М.: Молодая гвардия, 1991.- 462 с.
7. Герцен А.И. Сочинения в 2-х тт. / А.И. Герцен - М.: Мысль, Т.І. – 1985. – 592 с., Т.ІІ. -1986.- 654 с.
8. Зеньковский В.В. История русской философии в 2-х тт. /В.В. Зеньковский – Л.: “Эго”, 1991.- Т.І. Ч.1. – 221 с., Т.І. Ч.2. – 280., Т.ІІ.Ч.1.- 255 с., Т.ІІ.Ч.2. – 269 с.
9. «Из глубины. Сборник статей о русской революции». М.: Изд-во Моск. ун-т., 1990.- 298 с.
- 10.Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов в 2-х тт. / И.А. Ильин - М.: Книга, 1992. - Т.І. – 684 с., Т.ІІ. – 722 с.
- 11.Кавелин К.Д. Наш умственный строй./ К.Д. Кавелин - М.: Правда,1989. – 654 с.
- 12.Карсавин Л.П. Философия истории. / Л.П. Карсавин - С-П.: АО Комплект, 1993.- 350 с.
- 13.Колесов М.С. Очерки о русской философской культуре – СевГТУ, Севастополь, 1999.–150 с.

14. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. / П.А. Кропоткин - М.: Правда, 1990.- 638 с.
15. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в 2-х тт. М.: Мысль, 1965. -Т.І. – 752 с., Т.ІІ. – 703 с.
16. Левицкий С.А. Трагедия свободы. / С.А. Левицкий – М.: Канон, 1995. – 512 с.
17. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии/С.А.Левицкий– М.:Канон,1996.–495с.
18. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский – М.: Высш. шк., 1991.-559 с.
19. «О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья». М.: Наука, 1990.- 528 с.
20. Писарев Д.И. Исторические эскизы. Избранные статьи. /Д.И. Писарев - М.: Правда,1989.- 608 с.
21. Розанов В.В. Религия и культура. / В.В. Розанов - М.: Правда, 1990.- 636 с.
22. Розанов В.В. Уединенное. / В.В. Розанов - М.: Правда,1990.- 711 с.
23. Розанов В.В. Сочинения. /В.В. Розанов - М.: Советская Россия, 1990. – 592 с.
24. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. / В.С. Соловьев - М.: Правда, 1989. – Т.І. – 687 с., Т.ІІ. – 735 с.
25. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. / В.С. Соловьев – М.: Мысль, 1990. – Т.І. – 892 с., Т.ІІ. – 824 с.
26. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество./П.А. Сорокин - М.: Политиздат,1992.–543 с.
27. Ткачев П.Н. Сочинения в 2-х тт. / П.Н. Ткачев - М.: Мысль, 1990. - Т.І.– 655 с., Т.ІІ. - 645 с.
28. Ткачев П.Н. Кладези мудрости российских философов./ П.Н. Ткачев – М.: Правда, 1990. – 637 с.
29. Трубецкой Е.Н. Избранное /Е.Н. Трубецкой - М.: Канон, 1995. – 478 с.
30. Трубецкой С.Н. Сочинения / С.Н. Трубецкой - М.: Мысль, 1994. –815 с.
31. Чаадаев П.Я. Сочинения./ П.Я. Чаадаев - М.: Правда,1989. – 655 с.
32. Чернышевский Н.Г. Сочинения в 2-х тт. / Н.Г. Чернышевский - М.: Мысль, Т.І, -1986.- 805 с., Т.ІІ. –1987. – 687 с.
33. Федоров Н.Ф. Сочинения / Н.Ф. Федоров - М.: Мысль, 1982. –711 с.
34. Федотов Г.П. о судьбе русской интеллигенции М.: Знание, 1991 – 61 с.
35. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины в 2-х частях / П.А. Флоренский - М.: Правда,1990. – 839 с.
36. Флоренский П.А. У водораздела мысли / П.А. Флоренский - М.: Правда, 1990. – 447 с.
37. Франк С.Л. Сочинения / С.Л. Франк - М.: Правда, 1990.- 607 с.
38. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. /Л. Шестов - Л.: изд. ЛГУ, 1991. – 213 с.
39. Шпет Г.Г. Сочинения / Г.Г. Шпет – М.: Правда, 1989.- 602 с.

40.Юркевич П.Д. Философские произведения. / П.Д. Юркевич - М.: Правда,1990. – 670 с.